

**АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОРФИЧЕСКОГО МИФА В ЛИРИКЕ
М. ЦВЕТАЕВОЙ 1920-х ГОДОВ**

Актуальность поставленной проблемы связана с изучением творчества М. Цветаевой в контексте ключевых понятий, символов, мифов и мифологем современной ей культурной эпохи. С другой стороны - для цветаеведения также не меньший интерес представляет осмысление самобытности М. Цветаевой как художника, занимавшего свою особую нишу в культуре Серебряного века. В данной статье предпринята попытка как проследить включение творческого поиска М. Цветаевой в контекст Серебряного века, так и выявить своеобразие авторского осмысления поэтессой мотива колдовства - одного из центральных в лирике 1920-х годов.

Ряд исследователей не только подчеркивают важность орфического мифа для становления лирической системы М. Цветаевой, но и на разных уровнях осмысливают специфику соотношения орфической темы с показателями метального мира поэтессы (Р. Войтехович [2], Е. Соболевская [5], С. Фокина [8; 9], И. Шевеленко [12]). Совокупность линий научного поиска стала основанием для установки, представленной в данной статье, исследовать авторские принципы интерпретации М. Цветаевой орфического мифа. Несмотря на пристальное внимание к феномену орфического как в культуре Серебряного века, так и непосредственно в творчестве М. Цветаевой, наличие работ об авторском начале в истолковании поэтессой темы Орфея и Эвридики носит все же недостаточный характер.

Цель данной статьи - выявить показатели авторского мира М. Цветаевой в интерпретации поэтессой орфического мифа в лирике 1920-х годов.

В соответствии с поставленной целью намечены такие **задачи**:

- проследить преломление орфического мифа в контексте ментальных доминант авторского мира М. Цветаевой;
- осмыслить значение мотива колдовства для авторского истолкования орфического мифа;
- проанализировать интерпретацию орфического мифа в соотнесении с любовной тематикой.

Категориальный аппарат исследования включает следующие понятия: авторский мир, мотив, лирическое «я», интерпретация, символ.

Понимание авторского мира, представленное в данной статье, координировали идеи таких ученых как Е. Фарыно и Б. Гаспаров. По мысли Е. Фарыно, мир автора определяет то, как он «пользуется своими особыми предпочтениями и своими особыми ассоциациями» [7, с. 48]. Согласно утверждению Б. Гаспарова, «смысл всякого текста <...> складывается во взаимодействии и борьбе различных, даже противоположных смысло-образующих сил» [3, с. 274], ключом же к пониманию такого текста может стать сетка мотивов, «связанных друг с другом по многим различным направлениям и взаимно высвечивающих друг в друге различные слои и аспекты смысла» [3, с. 288].

Мы исходим из трактовки мотива как «единицы целостности индивидуальной поэтической системы» [4, с. 9], которая характеризуется семантической неразложимостью, наличием инвариантного и вариативного начала, повторяемостью в тексте и концептуальным содержанием.

В лирической системе М. Цветаевой 1920-х годов наиболее последовательно реализуется обращение поэтессы к орфическому мифу. Как отмечает С. Фокина, с одной стороны, именно «освоение орфического мифа стало одной из причин зарождения в культурной парадигме Серебряного века мифологемы поэта-мага» [9, с. 117]. С другой стороны, характерно, что «древнегреческий миф о прапевце и поэте Орфее с его основными сюжетными линиями стал благодатным источником, к которому устремляются поэты всех поколений» [5, с. 372]. Кроме того, не менее важно и то, что М. Цветаева «прежний личный миф о себе» замещает «новым мифом о себе, умершей Эвридике, земного спутника любящей, но за ним не идущей» [12, с. 249]. Расставание, на которое в поэтическом мире М. Цветаевой неизменно обречена лирическая героиня, проецируется, на сей раз, на отношения поэтессы с Б. Пастернаком через обыгрывание темы Орфея и Эвридики.

Стихотворение «Эвридика - Орфею» отсылает к той части орфического мифа, которая обращена к истории отношений с Эвридикой.

Орфей теряет любимую жену, умершую от укуса змеи, но не может смириться с потерей и спускается в Аид - царство теней, в надежде вывести ее оттуда. Все обитатели Аида покорены музыкой Орфея, и Персефона уговаривает супруга вернуть Эвридику Орфею, отпустив ее. Но, ведя за собой Эвридику, он не должен был оглядываться. Однако Орфей, желая увидеть любимую жену - оборачивается. И это нарушение запрета влечет за собой вечную, теперь уже окончательно непреодолимую разлуку.

Для прояснения положений исследования необходимо обратиться к тексту М. Цветаевой:

Для тех, отживших последние клочья
Покрова (ни уст, ни ланит!..)
О, не превышение ли полномочий
Орфей, нисходящий в Аид?

Для тех, отрешивших последние звенья
Земного... На ложе из лож Сложившим
великую ложь лицезренья,
Внутрь зрящим - свидание нож.

Уплочено же - всеми розами крови За этот
просторный покроя Бессмертья...
До самых летеиских верховий Любивший -
мне нужен покой

Беспамятности... Ибо в призрачном доме Сем
- призрак ты, сущий, а явь - Я, мертвая... Что
же скажу тебе, кроме:
- «Ты это забудь и оставь!»

Ведь не растревожишь же! Не повлекуся!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть Устами! -
С бессмертья змеиным укусом Кончается
женская страсть.

Уплочено же - вспомяни мои крики! - За этот
последний простор.
Не надо Орфею сходить к Эвридики И
братьям тревожить сестер.

23 марта 1923

Обыгрывая этот аспект орфического мифа, отсылающий к истории утраты Эвридики, М. Цветаева делает акцент на том, что «Эвридика не переживает драму возврата, а осмысляет драму своей неспособностью к возврату» [12, с. 251]. Смысловым центром стихотворения становится строка «С бессмертья змеиным укусом / Кончается женская страсть».

Характерна и мысль М. Цветаевой, высказанная в письме к Пастернаку 25 мая 1926 года: «(Я бы Орфею сумела внушить: не оглядывайся!), оборот Орфея - дело рук Эвридики <.. .> Ах, ясно: Орфей за ней пришел - жить <.. .> Будь я Эвридикой, мне было бы <...> стыдно - назад!» [11, с. 254].

знаком разлуки в стихотворении на уровне символики предметного ряда является нож. Он является проявлением ритуального инструмента, который олицетворяет жертвоприношение и мученичество, кроме того «нож - обычно разрушительный символ» [6]. При помощи данного предмета и происходит разделение возлюбленных - Орфея и Эвридики.

Продолжает орфическую тему в контексте интерпретации мотива колдовства и стихотворение «Не надо ее окликать».

В этом тексте также, но скрыто, обыгрывается та часть орфического мифа, которая связана с темой Орфея и Эвридики. Но, кроме обращения к теме Орфея и Эвридики, мотив колдовства проявляется в отождествлении лирического «я» с горой, вулканом, который нельзя тревожить:

Не надо её окликать:
Ей оклик - что охлест. Ей зов
Твой - раною по рукоять.
До самых органных низов

Встревожена - творческий страх
Вторжения - бойся, с высот - Все
крепости на пропасть! - Пожалуй -
органом вспоёт.

А справишься? Сталь и базальт -
Еора, но лавиной в лазурь На твой
серафический альт Вспоёт -
полногласием бурь.

И сбудется! - Бойся! - Из ста На
сотый срываются... Чу!
На оклик гортанный певца Органною
бурею мщу!

7 февраля 1923

Эмоциональный накал, в поэтическом мире М. Цветаевой означающий колдовские потенции, символически выражен образом органной бури. Органная буря равна всей силе чувств и желанию околдовать адресата и читателя.

Образ бури также акцентирует проявление мотива колдовства. В фольклорной традиции буря, знак inferнальных сил. Буря, гроза, внезапно появляющейся невзгоды встречаются в фольклорных текстах при описании колдовских практик. В стихотворении буря, знак опасного пробуждения сокрытого: «Встревожена - творческий страх». В этой связи показательна мысль Е. Башляра о том, что поэт «отступает перед разрушением логических связей <...> Вопреки простому здравому смыслу поэт живёт в перевернутом масштабе, в опрокинутой перспективе внутреннего и внешнего» [1, с. 102]. В цветаевском стихотворении лирическое «я» отождествляется с органной бурей и вулканом как знаками исступленности, экстаза, магических сил и творческой активности.

Подводя итоги, следует отметить, что обращение М. Цветаевой к теме Орфея и Эвридики мотивировано как интересом к данным персоналиям культурой Серебряного века, так и тем, что наиболее значимы в цветаевской лирике 1920-х годов персонажи, переживающие трагический опыт и при этом наделены творческими способностями. Соотнесение орфического мифа с мотивом колдовства становится

показателем авторского видения М. Цветаевой. Характерно, что колдовской акт зачастую осмысливается поэтессой как метафора творчества. Примечательно обращение в истолковании орфического мифа к любовной тематике. История Орфея и Эвридики в авторской интерпретации ознаменована проявлением сильного искреннего чувства и в тоже время обреченностью на разлуку.

Литература

1. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Г. Башляр; [пер. с франц. Б. М. Скуратова]. - М. : Издательство гуманитарной литературы, 1998. - 268 с.
2. Войтехович Р. Марина Цветаева и античность / Р. Войтехович. - М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. - 448 с.
3. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / Б. М. Гаспаров. - М. : Наука, 1993. - 304 с.
4. Пахарева Т. А. Художня система Анни Ахматової: [навч. пос. із спецкурсу] / Т. А. Пахарева. - К.: ІСДО, 1994. - 140 с.
5. Соболевская Е. К. Миф об Орфее, или скобка о повороте (на материале творческих рефлексий М.Цветаевой) / Е. К. Соболевская // Ао^а/Докса : [зб. наук, праць з філософії та філології]. - Вип. 4: Грецький спадок і сучасність. - Одеса, 2003. - С. 372-385.
6. Тресиддер Дж. Ночь [Электронный ресурс] / Джек Тресиддер // Словарь символов - Режим доступа: http://albooking.net/book_126_glava_370_NOZH.html
7. Фарино Е. Введение в литературоведение: [учебное пособие] / Ежи Фарино. - СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. - 639 с.
8. Фокина С. А. Цикл М. Цветаевой «Скифские» в контексте авангардной парадигмы 20-х годов / С. А. Фокина // Література в контексті культури: [зб. наук. пр. / ред. кол. : В. А. Гусев та ін.]. - Вип. 18. - Дніпропетровськ : Вид-во ДНУ, 2008. - С. 282-290.
9. Фокина С. А. Магический статус поэта в лирической системе М. Цветаевой 20-х годов (циклы «Москве», «Сивилла») / С. А. Фокина // Література в контексті культури : [зб. наук, пр.] / [ред. кол. : В. А. Гусев та ін.]. - Вип. 21. - Дніпропетровськ : Вид-во ДНУ, 2011. - С. 116-121.
10. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. Цветаева. - Т. 2 : Стихотворения; Переводы / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. - М. : ТЕРРА; Книжная лавка - РТР, 1997.-592 с.
11. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. Цветаева. - Т. 6. Кн. 1. : Письма / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. - М. : ТЕРРА - Книжный клуб; Книжная лавка - РТР, 1998. - 336 с.
12. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой : Идеология - поэтика - идентичность автора в контексте эпохи / И. Шевеленко. - М. : Новое литературное обозрение, 2002. - 464 с.